

інтереси відповідних, існуючих в момент згадування, соціальних груп, по-друге, соціальне середовище обмежує та впорядковує спогади у просторі і у часі та слугує джерелом для самих спогадів. Іншими словами, реконструюючи минуле, кожне нове покоління діє за принципом «образного моделювання», відшукуючи в минулому те, що співзвучне його настроям і очікуванням.

Таким чином, необхідною складовою національної політики пам'яті має стати формування у громадян об'єктивного розуміння власної історії, її самотності та безперервності. Підґрунтям повинен стати високий рівень розвитку політичної культури та національної свідомості. Водночас, інтегрування національної історичної пам'яті у загальноєвропейські та світові історичні конструкції сприятиме утвердженню позитивного іміджу України на міжнародній арені. Оскільки глобалізаційні процеси вже стали загальноновизнаним фактом, збереження культурних традицій, національного менталітету та національно-культурної цілісності постають першочерговими завданнями у підсиленні консолідації суспільства та збереження його національно-культурної самотності.

Список використаних джерел

1. Козловець М. А. Феномен національної ідентичності: виклики глобалізації: Монографія. – Житомир: Вид-во ЖДУ ім. І. Франка, 2009. – 558 с.
2. Подольський А. Українське суспільство і пам'ять про Голокост: спроби аналізу деяких аспектів // Голокост і сучасність. – 2008. – № 1 (5). – С. 47-59.
3. Подольський А. Пам'ять, яка вона? [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <http://historians.in.ua/index.php/istoriya-i-pamyat>
4. Портнов А. Україна у Другій світовій війні: формування національної пам'яті українського народу // Україна і український народ у Другій світовій війні. Дискусії. – 2009. – Вип.3. – 67 с.
5. Сміт Ентоні Д. Національна ідентичність / Пер. з англ. П. Таращук – К.: Основи, 1994. – 224 с.
6. Яковенко Н. М. Нова доба – нові підручники. Про потребу дискусії над підручниками з історії України. [Електронний ресурс]. – Режим доступу: // <http://www.novadoba.org.ua/data/metod/yakovenko.rtf>.
7. Ясперс К. Истоки истории и её цель // Смысл и назначение истории. – М.: Изд-во полит. лит-ры, 1991. – 527 с.
8. Яшук Т. І. Історична пам'ять як чинник трансформації національної ідентичності в пострадянській Україні. Філософські проблеми гуманітарних наук (Збірка наукових праць). – Київ, 2009. – 500 с.

References

1. Kozlovets M.A. Fenomen natsionalnoyi identichnosti: vikliki globalizatsiyi: Monografiya. – Zhitomir: Vid-vo ZhDU im. I.Franka, 2009. – 558 s.
2. Podolskiy A. Ukrayinske suspilstvo i pam'yat pro Golokost: sprobi analizu deyakih aspektiv // Golokost i suchasnist. – 2008. – № 1 (5). – S.47-59.
3. Podolskiy A. Pam'yat, yaka vona? [Elektronniy resurs]. – Rezhim dostupu: <http://historians.in.ua/index.php/istoriya-i-pamyat>
4. Portnov A. Ukrayina u Drugiy svitoviy viyni: formuvannya natsionalnoyi pam'yati ukrayinskogo narodu // Ukrayina i ukrayinskiy narod u Drugiy svitoviy viyni. Diskusiyi. – 2009. – Vip.3. – 67 s.
5. Smit Entoni D. Natsionalna identichnist. – K.: Osnovi, 1994. – 224 s.
6. Yakovenko N.M. Nova doba – novi pidruchniki. Pro potrebu diskusiyi nad pidruchnikami z istoriyi Ukrayini. [Elektronniy resurs]. – Rezhim dostupu: // <http://www.novadoba.org.ua/data/metod/yakovenko.rtf>.
7. Yaspers K. Istoki istorii i eyo tsel // Smyisl i naznachenie istorii. – M.: Izd-vo polit. lit-ryi, 1991. – 527 s.
8. Yaschuk T.I. Istorichna pam'yat yak chinnik transformatsiyi natsionalnoyi identichnosti v postradyanskiy Ukrayini. Filsofski problemi gumanitarnih nauk (Zbirka naukovih prats). – Kiyiv, 2009. – 500 s.

Savitska I.M., PhD, Associate Professor of Philosophy at the National University of Life and Environmental Sciences of Ukraine (Ukraine, Kyiv), isavitskaya@gmail.com,

Smolnytska O.I., student of economic faculty of the National University of Life and Environmental Sciences of Ukraine (Ukraine, Kyiv)

Problems of formation national identity through the prism of historical Memory in modern society

In the article author examined significance of historical memory in formation of identity of a nation. The subject of the article are some debatable issues of Ukrainian national identity, the identification process and ways of its research. It is noted that national identity is multifunctional character that is the basis for the definition of models, strategies and tactics of public policy memory. Attention is paid to the problem of historical experience, historical memory, national memory, narrative strategies of Ukrainian nation today.

Keywords: identity, national identity, self-identification, historical memory, national memory.

Савицька І. М., кандидат філософських наук, доцент кафедри філософії, Національний університет біоресурсів і природопольовання України (Україна, Київ), isavitskaya@gmail.com,

Смолянська О. І., студентка економічного факультета, Національний університет біоресурсів і природопольовання України (Україна, Київ)

Проблеми формування національної ідентичності через призму історичної пам'яті в сучасному суспільстві

Освещается роль исторической памяти в утверждении идентичности нации. Анализируются проблемы украинской национальной идентичности, процесса идентификации и путей его исследования. Отмечается, что национальная идентичность имеет многофункциональный характер, что является основой определения моделей, стратегий и тактик государственной политики памяти. Уделено внимание проблеме исторического опыта, национальной памяти, стратегий нации украинской нации на современном этапе.

Ключевые слова: идентичность, национальная идентичность, самоидентификация, историческая память, национальная память.

* * *

УДК 141.32

Ходус Е. В.

кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии, докторант кафедры философии, Днепропетровский национальный университет им. Олеса Гончара (Украина, Днепропетровск), hodus@ukr.net

Приватность как локус личностного существования: актуальные тенденции

Цель статьи – поиск взаимосвязи между обостренным переживанием приватности («уходом в приватность») и актуальными социальными процессами, характеризующими современные реалии и субъективное их восприятие. Предлагается характеристика существующих социальных условий, как таковых, что позволяют активно максимизировать «Я» в режиме «ухода в приватность». «Уход в приватность» рассматривается как актуальная техника выстраивания собственной жизни, допускающая большую автономию от давления «больших социальных сетей», это своеобразный социальный эффект экзистенциальной неопределенности, типичной для актуального момента. Такая стратегия помимо прочего, во многом детерминирована медийной экспансией в повседневность жизненного мира.

Ключевые слова: приватность, реконфигурация приватности, социокультурное пространство, дефицит субъективности, медийный дискурс, «банализация зла».

(статья друкється мовою оригіналу)

В современном мире все более значимым ценностным модусом становится ориентация на приватность как сферу личной автономии, как место, где я существую в первую очередь «для самого себя». Разумеется, обостренное переживание приватности, отличающее опыт бытия современного человека, ни в коей мере не отрицает его широкую ангажированность в сложную и мобильную, как никогда, ткань социальных отношений. Действительно, в глобализованном обществе индивид поддерживает множественные семейные, экономические, организационные, профессиональные

ные и прочие отношения, живет одновременно в нескольких местах и включен в более чем одно сообщество, в том числе и «воображаемое». Вместе с тем, такая интегрированность современного индивида в «тотальную социальность» – в глобальные социальные процессы и коммуникации, не лишена конфликтности, и стимулирует не столько активную, сколько реактивную стратегию личностного существования в форме «ухода в приватность». Очевидно, что стратегию «ухода в приватность» можно рассматривать как своеобразный социальный эффект экзистенциальной неопределенности, типичной для актуального момента (сказанное в полной мере соответствует и настоящей ситуации в украинском обществе). Реальность такова, что ожидания, надежды, страхи, фрустрации, и даже такие распространенные сейчас «апокалипсические» настроения, опосредованные медийными репрезентациями, приватизируются, превращаются в «личное дело» каждого.

Главным вопросом в связи с происходящими социальными трансформациями и их индивидуальной рецепцией становится характер взаимодействия индивидов с социальными структурами, в которые они «включены» – государством, гражданским обществом, рынками, то есть теми институциями и организациями, которые пытаются систематически координировать сложную социальную деятельность. В контексте настоящей статьи речь будет идти о характеристике существующих социальных условий, как таких, что позволяют активно максимизировать «Я» в режиме «ухода в приватность». «Уход в приватность» мы рассматриваем как актуальную технику выстраивания собственной жизни, допускающую большую автономию от давления «больших социальностей». Несомненно, что большая значимость приватных практик, в данном случае, довольно рельефно определяет своеобразие современных реалий и сложившихся общественных структур. Так Э. Гидденс отмечает характерной чертой современного общества «динамику в направлении создания внутренних референтных систем – моделей поведения, определяемых принципами, внутренне присущими самой личности» [1, с. 179].

Действительно, в условиях наличных господствующих конфигураций социальной жизни именно приватная сфера становится пространством личной активности. Обнаружилось, что для современного человека понятие приватности стало тем ценностным идеалом, определяющим, в конечном итоге, стратегии его поведения. В данном случае приватность понимается как осознание человеком своей личной сферы как сферы индивидуального выбора, противопоставляемой сфере публичной (социальной); это пространство жизнедеятельности, которое индивид обустроивает в соответствии со своими субъективными желаниями, интересами, вкусами. Термин «приватный»/«частный» в повседневном дискурсе описывает области социальной жизни, защищенные от всех, кроме членов семьи, близких людей. Это тот жизненный порядок, в котором живет человек и который подчинен принципам индивидуального контроля в том смысле, он сам посредством определенных стратегий и практик делает свою самость более или менее открытой и доступной для других. Т.е., под «приватным»/«частным» следует понимать самые разные проявления интимности, эмоций, повседневного, инди-

видуального, персонального/личного, домашнего, общественно того, что принято называть внутренним миром человека. Так Р. Сеннет, рассуждая о состоянии современного общества в метафоре «падения публичного человека», верно замечает, что сегодня люди склонны оценивать все с позиции своих частных личностных интересов, которые противопоставляются государственным [2]. Люди не считают себя ответственными за то, что происходит в государстве, их все меньше интересует общественная проблематика, и напротив, «возбуждающее очарование» вызывают темы (которые, кстати, могут иметь и реальный мобилизирующий эффект, стать мотивом реальных социальных движений), концентрирующиеся вокруг проблем «жизненного мира», таких, как личностная идентичность, частная жизнь, отношения с соседями, сексуальная жизнь, здоровье, стиль жизни, потребление, досуг. В итоге, каждый в одиночку борется за свое благосостояние. Все это – симптомы упадка институционального строя. В значительной мере истоком этой трансформации является экспансивное вмешательство императивов системной рациональности (экономики, государства, администрации) в «жизненный мир» личности.

Логику «колонизации» прекрасно описал Ю. Хабермас, определяя социальные паталогии, характерные для нынешнего состояния общества [3]. Он не одинок в своей научной рефлексии происходящих социоструктурных изменений. Наиболее ярко эта рефлексия представлена в концепции Ж.-Ф. Лиотара, констатирующего «атомизацию социального», недоверие к великим преданиям, метанаративам в эпоху «расслабленности» [4]; в теоретических взглядах Ж. Бодрийара, провозгласившего конец социального в эпоху инертности и меланхолии [5]. Еще одним примером этого типа социально-научного анализа можно рассматривать теоретические построения А. Турена, требующего «демонстрация понятия «общества» и отбрасывания «социологии общества». Целью социологии, по его мнению, должно быть освобождение творческой силы человеческого субъекта от общественного давления [6]. Аналогичный тезис возвращения к самому себе поддерживает У. Бек в своей теории «общества риска» [7].

Таким образом состояние современной институциональной среды порождает свободное от обязательств и связей самоисключение личности из локальных контекстов социального взаимодействия – индивиды обращаются к собственным ресурсам, чтобы выстроить свою биографию, идентичности, формы совместного существования, они отстраняются от коммуникации в публичной сфере. Соответственно сфера «приватного» становится значимым феноменом и уже публичная сфера перенимает законы ее функционирования. Власть и политика начинают неумолимо сползать в сферу приватного, сферу обыденной жизни, личных отношений. К таким специфическим формам политических действий З. Бауман относит, к примеру, политику желания, стремящуюся превратить свои цели в мотивы поступков автономных индивидов [8]. В результате такой политики современный индивид вместо «аффективного нейтралитета» как ориентации действия по Т. Парсонсу находится в постоянном поиске событий, в стремлении «пощекотать нервы». Он выступает компетентным менеджером своих впечатлений и важным для него стано-

вится не простое удовлетворение материальных нужд посредством приобретения необходимых благ, а получение услуги или предмета для чувственного, интеллектуального наслаждения. Он как идеальный потребитель, слушатель, зритель ориентирован в определении Ж. Липовецки на частную жизнь, что проявляется в постоянном упоре на «личное желание» и «свободный выбор», идет ли речь об организации производственного процесса или о выборах в органы муниципального самоуправления, о системе врачебного контроля или о сексуальных предпочтениях [9, с. 9]. Сфера же «публичного», как замечает то же Р. Саннет, напротив, начинает восприниматься как формальная, не связанная с интересами отдельной личности, а потому она – безличность и зло, то, что вызывает тревогу и страх; ей противопоставлена молчаливая и пассивная толпа наблюдателей.

Такая осознанная отчужденность индивида от публичной представленности есть следствием еще одного обстоятельства, связанного с медийной экспансией в социальную (и индивидуальную) реальность. Небывалое информационное давление на весь ментальный комплекс человека изменило особенности его восприимчивости. Он оказался втянутым в игровое поле конструирования впечатлений, в результате чего способность чувствовать преобрела совершенно неожиданные черты: фрагментарности, поверхностности, быстроты эмоционального переключения, отстраненности. Иначе говоря, чувства в значительной мере утратили непосредственность личностного опыта, «пропитавшись» коммуникативной рефлексией медиа. При этом медийный дискурс (не распалагающий единым ценностно-нормативным центром, не подчиняющийся никаким этическим доминантам), будучи инициированным публичной сферой, воздействует на «жизненные миры» в категориях «страха», «опасности», «угрозы», «упадка», «разрушения». На это обстоятельство как раз и обращает внимание российский социолог В. Бачинин, с сожалением замечая, к примеру, что современное российское телевидение (а сказанное, по нашему мнению, справедливо и к украинским телевизионным формам) непосредственно является источником распространения аномийных импульсов и волн. Об аномийном состоянии свидетельствует, по мнению исследователя, тот факт, что в центре телевизионной картины мира оказалась девиантная личность с деструктивными наклонностями, что всевозможные проявления зла занимают в телепрограммах непропорционально большое место, что человеческие пороки изображаются и преподносятся в них не как девиации, но как нормы социальной жизни, что зритель этих программ лишен возможности испытывать чувство духовной, экзистенциальной безопасности. «Накатываясь на массовое сознание, и захлестывая его, аномийные импульсы, – пишет В. Бачинин, – лишают телезрителей, в первую очередь молодых, нравственно-иммунитета, делают их невосприимчивыми ко многим формам социального зла» [10].

Не удивительно, что в такой ситуации часть населения заявляет о праве закрывать глаза на то, что происходит, предпочитая держаться в стороне от проблем общественной жизни, считает их обсуждение бесполезным и скучным. Эта позиция служит средством самозащиты от беспощадного, не допускающего иллюзий

мира. Такая защитная стратегия «добровольных шор» (в терминологии Кр. Дежура) с одной стороны, выполняют функцию адаптирования и борьбы со страданием, а с другой – является основным посредником в банализации зла. Кр. Дежур подчеркивает, что под банализацией зла он подразумевает «не только снижение в обществе чувства возмущения, как реакции на несправедливость и зло, но, кроме того, процесс, в результате которого происходит потеря злом своей драматической сущности (что недопустимо ни при каких условиях), а также постепенное приобщение все большего числа людей к делу совершения зла и превращение их в «коллорационистов» [11, с. 80]. Банализация зла напрямую связана с логикой театрализованного и развлекательного действия, пронизывающего все содержание сообщений медиа. СМИ превращают освещение событий, связанных со стихийными бедствиями, социальными катастрофами, общественными проблемами с их напряженностью, конфликтностью, в своеобразный спектакль, в котором репрезентация зла и трагедий сводится к серии зрелищных, быстро меняющихся картинок на ТВ. «Для большинства зрителей взрывы Всемирного торгового центра в Нью-Йорке 11 сентября 2002 года – замечает С. Жижек – были событиями на телевизионном экране, и когда мы видели часто повторяющиеся кадры, на которых были запечатлены испуганные люди, бегавшие по направлению к камере на фоне гигантского облака пыли от падающей башни, то эти кадры напоминали нам о захватывающей съемках из фильмов – катастроф. Это был самый лучший спецэффект с тех пор, как И. Бентам сказал, что реальность – это лучшая видимость себя самой» [12, с. 198].

Анализируя тенденции банализации зла, Кр. Дежур указывает на три составляющие этого процесса: во-первых, равнодушие по отношению к отдаленному миру и сотрудничество со злом действием или бездействием; во-вторых, приостановка способности мыслить и замена ее доминирующими стереотипами, предложенными извне; в-третьих, атрофия способности составить свое мнение о чем-либо (в т.ч. о добре и зле) и воли к коллективному действию против несправедливости [11, с. 76]. В результате повседневная жизнь современного индивида все больше становится пронизанной опытом «чуждости» в смысле беспрецедентного отрицания жизненного опыта других, не относящихся к «ближнему миру» людей. Главный общий тезис таков: каждый может считаться ответственным лишь за свое ближнее окружение. Подобное состояние Кр. Дежур обозначает термином «сужение внутрисубъективного сознания» (до уровня частного модуса – добавим мы). И дело здесь, отнюдь, не в индивидуальной психологии, а в трансформации современной субъектности, вписанной в «объективные» структуры социальности. Новый тип человеческой автономии отличается «дефицитом субъектности», сосредоточенностью на индивидуальном «Я» в противовес чувству «Мы». Перефразируя постмодернистскую метафору «смерти субъекта» применительно к современным условиям правильнее было бы говорить о «смерти другого» для субъекта. То единение, скрепляемое чувством «Мы», слабеет, вытесняется чувством «они», «чужие», хотя и связанные кругом общения, но неравноценные по значимости. «Смерть другого», разрыв групповых связей и отчуждение индивидов,

не поддерживающих продолжительных отношений с другими, превращается в один из основных моментов, отличающих личностный опыт существования современного индивида.

Очевидно, что обратной стороной «фундаментального безразличия» (так С. Жижек определил процесс беспрецедентного отрицания современным субъектом жизненного опыта других) оказывается обостренное переживание приватности, сужение жизненных горизонтов. Именно сфера приватности становится пространством личной активности, той социальной средой, которая позволяет индивидам испытывать положительные чувства и то же время ощущать острый дефицит реальных отношений и солидарностей. По мысли Ф. Джемсона [13], сугубо индивидуальные, психологические «проекты спасения» являются лишь формой бегства от социально генерируемых проблем, тем, что лишь усиливает неспособность индивида увидеть общество как предельный горизонт своего существования, как неразрывную тотальность. Ведь даже такая специфическая форма существования как приватность/«возможность быть самому» является таковой лишь постольку, поскольку она раскрывается на встрече другому, только совместное бытие делает возможным бытие как нечто отдельное.

Список использованных источников

1. Гидденс Э. Трансформация интимности. Сексуальность, любовь и эротизм в современных обществах / Э. Гидденс. – СПб.: «Питер», 2004. – 208 с.
2. Сеннет Р. Падение публичного человека / Р. Сеннет. – М.: Логос, 2002. – 424 с.
3. Хабермас Ю. Отношение между системой и жизненным миром в условиях позднего капитализма / Ю. Хабермас // Теоретическая социология; под ред. С. Баньковской. – М.: Книжный дом «Университет», 2002. – Т.2. – С. 54-70.
4. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна / Ж.-Ф. Лиотар. – М.: СПб, 1998. – 178 с.
5. Бодрийяр Ж. В тени молчаливого большинства или Конеч социального / Ж. Бодрийяр. – Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2000. – 96 с.
6. Турен А. Возвращение человека действующего. Очерк социологии / А. Турен. – М.: Научный мир, 1998. – 204 с.
7. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну / У. Бек. – М.: Прогресс-Традиция, 2000. – 384 с.
8. Бауман З. Текучая современность / З. Бауман. – СПб.: Питер, 2008. – 240 с.
9. Липовецки Ж. Эра пустоты. Эссе о современном индивидуализме / Ж. Липовецки. – СПб.: «Владимир Даль», 2001. – 317 с.
10. Бачинин В. А. Чтот нам стоит «Содом-2» построить? Медиа среда как зеркало русской аномии / В. А. Бачинин // Телескоп: Журнал социологических и маркетинговых исследований. – 2007. – № 63. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://elibrary.ru/contents.asp?id=648737> – Загл. с экрана.
11. Дежур Кр. Утрата чувства сострадания во Франции: банализация социальной несправедливости / Кр. Дежур // Социальные и гуманитарные науки. Отечествен. и зарубеж. литература, Сер.11, Социология: РЖ/РАН. – М., 2000. – № 2. – С. 61-81.
12. Жижек С. 13 опытов о Ленине / С. Жижек. – М.: «Ад Маргинем», 2003. – 243 с.
13. Jameson F. The Political Unconscious. Narrative as a Socially Symbolic Act / F. Jameson. – Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 1982. – 305 p.

References

1. Giddens E. Transformatsiya intimnosti. Seksualnost, lyubov i erotizm v sovremennykh obshchestvakh / E. Giddens. – SPb.: «Piter», 2004. – 208 s.
2. Sennet R. Padenie publichnogo cheloveka / R. Sennet. – M.: Logos, 2002. – 424 s.
3. Khabermas Yu. Otnoshenie mezhdru sistemoy i zhiznennym

mirom v usloviyakh pozdnego kapitalizma / Yu. Khabermas // Teoreticheskaya sotsiologiya; pod red. S. Bankovskoy. – M.: Knizhnyy dom «Universitet», 2002. – T.2. – S. 54-70.

4. Liotar Zh.-F. Sostoyanie postmoderna / Zh.-F. Liotar. – M.; SPb, 1998. – 178 s.
5. Bodriyyar Zh. V teni molchalivogo bolshinstva ili Konets sotsialnogo / Zh. Bodriyyar. – Yekaterinburg: Izd-vo Uralskogo un-ta, 2000. – 96 s.
6. Turen A. Vozvrashchenie cheloveka deystvuyushchego. Ocherk sotsiologii / A. Turen. – M.: Nauchnyy mir, 1998. – 204 s.
7. Bek U. Obshchestvo riska. Na puti k drugomu modernu / U. Bek. – M.: Progress-Traditsiya, 2000. – 384 s.
8. Bauman Z. Tekuchaya sovremennost / Z. Bauman. – SPb.: Piter, 2008. – 240 s.
9. Lipovetski Zh. Era pustoty. Esse o sovremennom individualizme / Zh. Lipovetski. – SPb.: «Vladimir Dal», 2001. – 317 s.
10. Bachinin V.A. Chtot nam stoit «Sodom-2» postroit? Mediasreda kak zerkalo russkoy anomii / V.A. Bachinin // Teleskop: Zhurnal sotsiologicheskikh i marketingovykh issledovaniy. – 2007. – № 63. [Elektronnyy resurs]. – Rezhim dostupa: <http://elibrary.ru/contents.asp?id=648737> – Zagl. s ekrana.
11. Dezhur Kr. Utrata chuvstva sostradaniya vo Frantsii: banalizatsiya sotsialnoy nespravedlivosti / Kr. Dezhur // Sotsialnye i gumanitarnye nauki. Otech. i zarubezh. literatura, Ser.11, Sotsiologiya: RZh/RAN. – M., 2000. – № 2. – S.61-81.
12. Zhizhek S. 13 opytov o Lenine / S. Zhizhek. – M.: «Ad Marginem», 2003. – 243 s.
13. Jameson F. The Political Unconscious. Narrative as a Socially Symbolic Act / F. Jameson. – Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 1982. – 305 p.

Khodus H.V., candidate of sociological sciences, associate professor of department of sociology Oles Honchar Dnepropetrovsk National University (Ukraine, Dnepropetrovsk), hodus@ukr.net

Privacy as a locus of personal existence: topical trends

The purpose of this article – is the search for the relationship between a keen feeling of («care in the privacy») and actual social processes and their subjective perception. It is noted that in the modern world more and more significant value modus becomes the focus on privacy as a sphere of personal autonomy as the place where I exist in the first place «for myself». «Care to privacy» is considered as actual technique of creating personal life, allowing for greater autonomy from the pressure of the «big social». It is obvious that the strategy of «care in the privacy» can be seen as a kind of social effect dynamic, full of risks, saturated modernity. In a situation when the world is becoming highly unpredictable, individuals, according to Z. Bauman, lose control of events and processes which affect their destiny. Their horizon of life, is not formed, there is at the level of separate, private expectations, hopes, fears, frustrations, or common now «apocalyptic» moods. Moreover modern social risks are being privatized, turn into a «private matter» of each person. It is noted also that the privacy is not just becomes a sphere of personal activity, it is a form of infantilism, «asocial sociality», which increasingly appears reconfiguration ideas of community, society, communities (real, virtual, affective).

Keywords: privacy, privacy reconfiguration, social and cultural space, deficit of subjectivity, «banalization of evil», the media discourse.

Ходус О. В., кандидат соціологічних наук, доцент кафедри соціології, докторант кафедри філософії, Дніпропетровський національний університет ім. Олесь Гончара (Україна, Дніпропетровськ), hodus@ukr.net

Приватність як локус особистісного існування: актуальні тенденції

Мета статті – пошук взаємозв'язку між загостренням переживанням приватності («відходом у приватність») і актуальними соціальними процесами, що характеризують сучасні реалії і суб'єктивне їх сприйняття. Пропонується характеристика існуючих соціальних умов, як таких, що дозволяють активно максимізувати «Я» в режимі «відходу в приватність». «Відхід у приватність» розглядається як актуальна техніка вибудовування власного життя, що допускає більшу автономію від тиску «великих соціальностей», це своєрідний соціальний ефект екзистенціальної невизначеності, типової для актуального моменту. Така стратегія крім іншого, багато в чому детермінована медійною експансією в повсякденність життєвого світу.

Ключові слова: приватність, реконфігурація приватності, соціокультурний простір, дефіцит суб'єктивності, медійний дискурс, «баналізація зла».

* * *